

От слова к переживанию и снова обратно: Кататимные имажинации в резонансном пространстве терапевтических отношений

From word to experience and back again: Katathymic imaginations in the resonant space of therapeutic relationships

Карин Нор

Karin Nor, lecture at the 1st International Conference of the Association of Imaginative Psychodynamic Psychotherapy, October 20-21, 2018 in Moscow

Часть 1: Кое-что о материале, из которого исходит имажинация

Волшебная палочка (Иозеф фон Эйхендорф)

В каждой вещи дремлет песня,
Разбуди её - тогда
Запоёт всё поднебесье,
Слово только угадай!

(Пер. Наталья Колесникова)

В этом коротком стихотворении Эйхендорфа поэтическим языком изложено нечто, для чего в КИП мы используем слово «кинестетический» (Leikert, 2008, 2012). В свое время Лейнер еще не использовал это слово. В контексте КИП-публикаций оно впервые появилось в нашем учебном пособии (Bahrke, Nohr, 2013). Термин – «кинестетический» содержит концепцию, которая помогает понять характер имажинаций. Здесь я хотела бы дать комментарий ... В каждом из нас скрывается смутное воспоминание о том, какой была жизнь, когда слово только как звучание голоса влияло на нас. Возможно, Вы найдете немного времени, закроете глаза и попытаетесь оживить в себе это воспоминание:

Будучи маленьким ребенком, Вы лежите в кроватке, светит солнце. Оно проникает во внутрь дома и играет на обоях с ярким орнаментом. Над Вами парит карусель с птичками. Ее яркие перья тихо шевелятся в потоке воздуха туда и обратно. На заднем фоне слышен шум: дребезжание кофейных чашек,

шуршание газеты. Слышны голоса – один звонкий, а другой глухой. Снаружи лает собака. Тепло... Вдруг один голос повышается, становится пронзительным, возникает гул голосов. Затем все стихает, слышится только бормотание, пищит сотовый телефон.

В книге Д. Анзье (D. Anzieu) «Я-кожа» (Anzieu, 2011) или также у Огдена (Ogden, 1999) – и это только некоторые фамилии – были особенно отмечены ранние, так называемые довербальные и невербальные формы переживаний, а также возникающая из этих переживаний предварительная индивидуальная символизация. Только в дальнейшем в процессе жизни человеческая коммуникация попадает во власть слова. Тогда все другие формы выражения отходят на второй план. Но сейчас я хочу поговорить именно о довербальной и невербальной формах переживаний.

В начале нашей жизни, а точнее еще во внутриутробном периоде, воспринимается даже не слово, а звук. Только благодаря человеческому голосу, выражающему различные аффективные оттенки, слово начинает влиять на нас. (И поэтому, кстати говоря, предполагается акустический настрой раннего образования Сверх-Я; он достаточно характерный и ориентирован на запрещающие и утвердительные родительские голоса. Этот настрой происходит еще прежде, чем «око закона» смотрит на нас. Сначала мы слышим «голос совести»).

Благодаря наблюдениям за младенцами мы знаем, что наше раннее чувственное восприятие функционирует целостно, амодально и также синестетически. Слух, зрение, обоняние и прикосновения проникают друг в друга, мир поет для младенца – говоря языком Айхендорфа – звучанием голоса и улыбками матери. Мать не является для младенца и маленького ребенка четко очерченным визави, но они оба формируют своего рода взаимопроникающий гештальт переживаний; что-то, что в неразрывной близкой взаимосвязи издает звук, пахнет, имеет вкус, ощущается и имеет вид. Это происходит не в первичном опирающемся на психику словесном обмене, а в телесно-чувственном выражении. Таки образом разворачиваются ранние,

типичные для биографии сцены взаимодействия «родитель-ребенок». Это взаимодействие часто в научном наблюдении описывается как «пение» или «пляски».

Языкознание уже много десятилетий посвящено слову и изучению значений слов, семантике. В отличие от этого все еще нет ни одного учебного пособия об изучении довербальных и невербальных форм выражения. Однако, когда все же вербальные и невербальные формы переживаний стали с различных сторон описываться учеными и психоаналитиками, изучающими младенцев, поведение, языковые формы и т.д., только Себастьян Лейкерт – не случайно будучи председателем Германского общества психоанализа и музыки – пришел к выводу, что необходимо говорить о семантике довербальных форм выражения, которые он в отличии от лексических назвал «кинестетическими». Он заменил приставку «син» в слове: «синестетический» на «кин», чтобы по достоинству оценить основополагающее значение движения в ранних формах переживаний. Таким образом он объединил слово «кинетика», которое подразумевает под собой учение о формах передвижения, с «эстетикой», учением о чувственном восприятии, изначально прекрасном. Итак, кинестетическая коммуникация – это понимание себя через жесты, крики, всхлипывания, движения, голос, мимику и т.д., которые повторяются, варьируются в сценическом контексте и постоянно порождают что-то новое, как это выразительно описал Д. Стерн (D. Stern) в своих RIGs – в репрезентациях интеракций, которые были генерализованы или обобщены (Representations of Interactions that have been Generalized) (Stern, 1977).

В дальнейшем интенсивность кинестетической коммуникации остается значительно выраженной и переживаемой на уровне тела. Для КИП-терапевтов эта связь имеет значение. Это отзывается в каждом из нас даже тогда, когда на более поздних этапах жизни слова расширяют способ выражения, даже когда лексическое начинают доминировать над кинестетическим. Кинестетическая коммуникация отступает назад, но

непрерывно продолжает влиять. Мы остаемся посвященными в этот процесс. Кинестетическое может в любой момент спонтанно или целенаправленно мобилизоваться.

Кинестетическая форма переживания может внезапно вернуться на первое место, если на нас на невербальном уровне вдруг что-то подействует, например, музыка. Мы можем быть растроганы, вплоть до психовегетативной реакции (Nohr 2016). Это также может происходить в творческом или спортивном процессе или когда на выставке мы бываем погружены в созерцание произведения искусства, когда теряется ощущение времени и пространства. Переживание природы особенно захватывает нас кинестетически. Вот послушайте ликование Гете в его стихотворении «Майская песня»:

Как все ликует,
Поет, звенит!
В цвету долина,
В огне зенит!

Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молкнет в рощах
Веселый свист.

Как эту радость
В груди вместить! -
Смотреть! и слушать!
Дышать! и жить!

(Пер. А. Глобы)

Терапевтически направлено кинестетическая форма выражения может применяться тогда, когда в беседе мы готовы прислушиваться не только к

словам, а также ориентироваться на общий аспект самовыражения пациента. Это существенно влияет и действует аналогичным образом и в работе с имажинацией.

Имагинации, как мы все знаем, ни в коем случае не являются чисто зрительными феноменами. Возникающие «образы представления» скорее описывают целостно переживаемые сцены: до визуализированного цветка можно «как в жизни» дотронуться, его можно понюхать, полить, вручить, сорвать, можно искупаться в журчащей воде и прислониться к деревьям, кроны которых мощно шуршат или тихо шелестят – мы без затруднений слышим песню, которая был спета только для нас.

Если не препятствовать имагинативному погружению – что, к сожалению, может достаточно часто происходить – в имажинации кинестетическим образом может восприниматься вся наша сущность. Для выражения данной формы целостного переживания, прежде всего в социальном контакте, нам необходима поддержка. Масштаб проникновения в вербальный обмен чувственного восприятия и аффектов должен быть комплексно социально урегулирован и значительно ограничен при общении между взрослыми людьми по причинам безопасности. У детей все может происходить совсем иначе. Во многих областях общественной жизни, например, в научно-профессиональной области, где важен обмен мнениями, буквально господствует идеал предметности, иногда вплоть до изоляции аффектов. Если же будут допущены аффекты, происходящие из чувственного опыта – как в описанной ранее небольшой сцене завтрака – это мгновенно приведет к возрождению раннего, фузионного кинестетического состояния, а затем к моментальному обогащающему проживанию переживаний. Здесь имеется виду способность проживания переживаний посредством имажинаций, которая может быть развернута во всех трех основных функциях их терапевтического применения. Это: стабилизация, обработки конфликта и поддержание структуры.

Как можно поддерживать состояние в имажинации? Оно ни в коем

случае не наступает само по себе и возникает часто только на мгновение. Аналогично выражению «Moments Musicaux» («музыкальные моменты») хотелось бы поговорить о «Moments Kinästhetiques» («кинестетических моментах»).

Терапевтические имажинации происходят иначе чем кинестетические моменты в природе, концертном зале, личных сновидениях или кинофильмах. Они всегда осуществляются в отношениях с терапевтом, в рамках сессий. Эти сессии могут быть полезными, или рождают сопротивление, или содержать оба пункта, или содержать то одно, то другое поочередно. Хорошая новость заключается в том, что в действительности при терапевтической поддержке того насыщенного аффектами гештальта переживаний, который возникает у пациента, существует не только одно волшебное слово, которое мы ищем при помощи нашей терапевтической «волшебной палочки».

Часть2: Послания отношений как двигатель формирования имажинаций

Словосочетание «послания отношений» я встретила в сочинении В. Дитера и подумала, что оно просто грандиозно, т.к. прокладывает мост к тому, что П. Вацлавик еще раньше называл «аспект содержания и аспект отношений» («Inhalts-und Beziehungsaspekt») любой коммуникации (Dieter, Watzlawick, 2006, 2016). Например: Партнер кричит нам из своего подвала, где он творит (в мастерской в подвале): «Я сейчас приду! Мне нужно только кое-что допилить...». С одной стороны, мы знаем, что он сейчас делает (аспект содержания), с другой стороны, мы понимаем: Мы не должны спешить с кофе (аспект отношений). Процесс допиливания является сейчас для него более важным. Его «сейчас» означает: «Когда я освобожусь». Чем лучше мы знаем друг друга, тем лучше нам удастся это интерпретировать. Таким же образом происходит интерпретация и в традиционных взаимосвязях: Для западных людей, почитающих христианские традиции, например, было бы естественно при виде белой лилии, воспринять ее не только как роскошный цветок, но и как символ невинности. Мы повсеместно

можем наблюдать такие «культурные» интерпретации.

На терапевтических сессиях пациенты также переводят наши иногда странные утверждения так, как понимают – по-своему. К сожалению, они редко делают это вслух, так что мы, в свою очередь, реагируем на их интерпретации, о которых только догадываемся. Всё вместе – это достаточно приблизительный процесс, для которого в нашем с У. Барке учебном пособии я нашла следующие слова (Bahrke, Nohr, 2018, с. 342-343):

«Как только я слышу первые слова имажинации, у меня возникает следующая метафора: я сразу же погружаюсь в реку, один берег которой сформирован мной, другой – пациентом, а вода и ее течение соединяют наши эмоциональные и душевные субстанции. Вода представляет собой смесь из постоянного возвратно-поступательного проективного катексиса репрезентаций другого... – Чем больше поврежден пациент, тем более инвазивны его проективные процессы, с помощью которых он пытается добраться до другого берега. ... На берегу есть места, с которых я могу наблюдать общую картину, и, пожалуй, я могу держать голову над водой или держать курс на остров; то же может делать и пациент... – «Места душевного отчуждения» (в прекрасной книге Б. Штайнер/ B.Steiner, 1998). Это такие острова, к которым у меня нет доступа ... Другие острова мы формируем или добираемся до них вместе, когда удастся при помощи эмпатии и понимания преодолеть препятствие в виде защиты желаний»

То, что пациенты «интерпретируют» в своем горизонте понимания, начинается с терапевтической рамки и не продолжается во многих микросценах интеракций. Конечно же, обоюдно «переводятся» каждое слово и каждое молчание. Если говорить кратко – это нельзя не «переводить». Пациенты особенно нуждаются в этом, поскольку мы, терапевты, являемся гарантами их изменений. Все, что мы говорим, делаем и допускаем, очень значимо для них. Я предлагаю разобрать это на паре примеров.

Предлагаемая нами, поначалу совершенно незнакомая терапевтическая «рамка» особенно требует интерпретации. К рамке также относится анонсирование того, что имажинация будет применяться как часть совместной работы. «Рамка», как наглядно пишет Кернер (Körner J., 1995), например – деревянная рамка отделяет нарисованную картину от стены, занавес – сцену от театрального зала (Körner, 1995). Также и социальные ситуации передают невидимую рамку. Всем известно, что у врача мы ведем себя совсем иначе, чем с приятелем на футбольном поле. Терапевтическая рамка формируется индивидуально каждым из нас, но всегда с имеющимися определенными элементами. Она конструирует для большинства пациентов незнакомую ситуацию, в которой речь идет о чувствах.

Когда мы озвучиваем и интерпретируем терапевтическую рамку, они реагируют (они реагируют на рамку или элементы рамки) прямо на нас, и это, исходя по причинам защиты, как правило, имеет негативный характер, поскольку появляется опасение снова пережить прошлое. Эти интерпретации могут быть, исходя из наших предложений определенного времени: «Я должна прийти в 8 часов? Так рано? Возможно, она хочет побыстрее избавиться от меня». «Здорово, что она учитывает мое рабочее время – встает ли она так же рано и для других?». Или, когда терапевт озвучивает правило абстиненции: «Похоже здесь нельзя подходить близко, это меня устраивает». Также, исходя из основного правила (глубинного процесса – прим.ред.): «Как можно когда-нибудь прийти к насущному?» и исходя из согласования возмещения гонорара: «Она хорошо заботится о себе за мой счет».

Если имажинация заявлялся как часть терапевтической рамки, это тоже может быть проинтерпретировано следующим образом: «То, что я рассказываю, кажется недостаточным». Или: «Какой вывод она хочет из этого сделать? Что это принесет? Детский хлам?» и т.д. Или также: «Как занимательно. Наконец-то что-то другое, кроме этих вечных разговоров».

Конечно, интерпретируются также и беседа, настрой беседы, голоса и – что особенно важно для нас – каждый отдельный элемент имажинативного

процесса. Интерпретация осуществляется исходя из соотношения желание-защита.

Еще несколько примеров:

- Инструкции релаксации: «Это же самое лучшее во всем процессе имажинации. Если бы она это делала дольше всего»,
- Задавание мотива: «Луг. Ага. Я должен отдохнуть.»,
- любая интервенция, например, вопросы об описании образа: «Сначала я совсем ничего не увидел. Хорошо, что она расспрашивает.»
- Но также и молчание: «Она совсем не задает вопросов. Ей не интересно». Или: «Она постоянно спрашивает: можно мне хотя бы мгновение отдохнуть?»
- Выход из имажинации: «Как она сможет сейчас закончить? Я же еще не дошел даже до середины вершины?»
- Побуждение, нарисовать рисунок к представленному образу: «Я же не ребенок.» «Как нарочно рисовать. Мой самый нелюбимый предмет в школе.»
- Дополнительные вопросы к нарисованному рисунку: «Что за психологическое давление.»
- Отсутствие дополнительных вопросов к нарисованному рисунку: «Ага. Ей это не интересно.»

На примере этого списка, который можно до бесконечности продолжать, можно увидеть, что терапевтическая ситуация – это, выражаясь ёмким понятием З. Фрейда – арена непрозрачных запутанных ситуаций. Наша деятельность была бы легче, если бы мы искали что-то верное или неверное, а видели бы в этом продуктивное и стремились бы в меньшей степени избегать этих запутанных ситуаций, поскольку это не работает как-то иначе.

Арена – это скорее наш шанс, поскольку здесь разворачиваются прежний и новый опыт отношений, понимание, процесс переживания и проживания страдания. Это ведет к изменениям в ограниченном, зачастую злокачественном восприятии, к изменениям способа переживаний и поведения. Имагинация также является такой ареной. Она предлагают

другой, особый, основанный на кинестетической способности, доступ к душевному внутреннему пространству, что отличается от беседы. Однако, имажинация каждый раз совершенно по-разному возобновляется, интерпретируется и переживается, поскольку в совместном действии «процесс имажинации» всегда констеллируются ситуацией, в которой «за счет индивидуальных способов интерпретации и аффектов можно прийти к разногласиям в самих обстоятельствах дела» (Pahl, 1982). Это действительно такие «сцены», которые выражают динамику, тематику, направление имажинации. Терапевт открывает переходное пространство имажинации, задавая мотив. Он вступает на эту территорию совместно с пациентом и при помощи интервенций или молчания и их интерпретации пациентом постоянно участвует в генерировании имажинативного содержания. Таким образом, он автоматически становится соучастником.

Как же с учетом всех этих осложнений и помех можно выйти невредимыми и окрепшими при переходе от слова к переживанию и снова возвращаясь обратно? Это я хотела бы продемонстрировать в третьей далее на примере одного случая.

Часть 3: Демонстрация влияния формирования отношений на характер и ход имажинации в рамках одного терапевтического случая

Случай представлен в переводе книги: Барке У. Нор К., *Кататимно-имажинативная психотерапия: Учебное пособие по работе с имажинациями в психодинамической психотерапии. Пер. с нем. – М.: Когито-Центр, 2018. – 397 с.*

Сначала я хотела бы предложить Вам первичную имажинацию, которую затем я охотно разберу более подробно:

- Я вижу дикуую мальву... с розовыми, скорее маленькими цветочками. Она растет у нас в саду, там, в деревне у моей бабушки. У нее стройный, прямой стебель со множеством бутонов, э-э-э, цветов. Некоторые уже отцвели.

- Какое воздействие мальва оказывает на вас?
- Итак, она стоит скорее одна. Слева еще много других мальв, но эта стоит в стороне, на окраине, как будто ей нужно пространство...
- Да, а что теперь?
- Я удивлена, какие нежные лепестки у мальвы. Это можно заметить, только если подойти поближе. Сначала я этого не увидела. Зеленые листья пожелтели и повисли.
- И они все такие?
- Нет, сверху два зеленых, они в хорошем состоянии.
- А какой на ощупь стебель?
- Он прохладный, слегка покрытый волосками. Он тоже очень нежный. Есть опасность, что он может сломаться. Но стебель у основания одревенелый и мощный. Он стойко держится на ветру. Этот цветок хочет просто быть, а не находиться в центре внимания. Просто только быть здесь.
- Хотели бы вы что-то сделать с этим цветком или рядом с ним?
- ...Возможно, нарвать букет? Нет, тогда цветок погибнет. Пожалуй, можно разрыхлить землю, сделать бороздку, чтобы туда поступала вода, чтобы обеспечить ему уход. Только сейчас я заметила, насколько сухая была земля.

По окончании имажинации г-жа Айхель, как будто все еще находясь в аффекте стыда, сказала, что в образе ей постоянно хотелось выщипать из цветка то, что завяло, и что он, собственно, был не настоящим цветком, а скорее сорняком ... и т. д. (Bahrke, Nohr, 2018, с.181,182)

Здесь есть только «слова» (без звучания голоса пациентки и моего), слова, которые вызывают в Вас собственные образы и ассоциации. Возможно, у Вас возникло впечатление: Все прошло хорошо, у пациентки нет проблем, чтобы погружаться в имажинацию, у ее прекрасного цветка кое-что немного увяло, но он полон «бутонов» и «лепестков». Кроме того, она может

выражать желания: желание ухода, желание быть увиденной, также ярко выражена сила Я в значении самозаботы (разрыхлить землю) и мотивация, активность в порыве сделать это самой, а «не ждать», что «пойдет дождь».

Подобное первое впечатление может создаваться, когда символы и состояния упорядочиваются один к одному. Казалось бы, символика должна быть раскрыта подобно культурной семантике: увядший – означает «умирание», бутоны указывают на «рост» и т. д. Эта упорядоченность не является неверной. Однако этого далеко не достаточно. Такой процесс похож на толкование сновидения без сновидца. Можно подумать, что действительно преимущественно важно сопровождать пациентку понимающе-резонансным образом в укреплении ее Я.

Теперь я попробую предоставить Вам нечто большее, чем слова и более мощно внести кинестетический элемент в наш анализ.

Сдержанным, но ясным для понимания голосом г-жа Айхель начала:

- Я вижу дикую мальву... с розовыми, скорее маленькими цветочками. Она растет у нас в саду, там, в деревне у моей бабушки. У нее стройный, прямой стебель со множеством бутонов, э-э-э, цветов. Некоторые уже отцвели.

Она остановилась. Я подумала: Ясная картина. Она представилась мне как экспозиция. Возникший образ был рассказан нейтральным голосом, как бы исходящим издалека, с позиции автора-рассказчика. Интонация голоса не показывала находила ли она сама цветок красивым. Скорее да, размышляла я. Она говорила немного сбивчиво, но я это интерпретировать слишком быстро. Однако это бросилось в глаза, что дало мне почувствовать: В этом что-то есть. Надо отметить это. Что я явно ощущала, так это то, что г-жа Айхель была очень осторожна. Я была осторожна тоже: Это же первичная имажинация. Задавая следующий вопрос, я пытаюсь немного больше проникнуть в ее внутреннее пространство. Это был вопрос о воздействии образа, который уводил от описанного представления экспозиции.

- Какое воздействие мальва оказывает на вас?

- Итак, она стоит скорее одна. Слева еще много других мальв, но эта стоит в стороне, на окраине, как будто ей нужно пространство...

Она снова ненадолго остановилась. Тембр ее голоса в этот момент излучал задумчивость, манера сообщения была более дифференцированной, более заторможенной, как будто неуверенной. Разворачивалась значимая тема: «Одна или с другими?» Вопрос «аутсайдерства» или «пространства» побудил меня спросить прямо и одновременно открыто. Это было интуитивное сценическое участие в формировании имажинации. Я покинула свою осторожную позицию. Во время паузы г-жи Айхель я спросила:

- Да, а что теперь?

Вводное «Да» как интервенция резонанса, как «О!» или «Ах!», или «Ага». Мы уделили много внимания интервенциям резонанса в нашем учебном пособии. Эти интервенции всегда передают чувства и состояния, поскольку они как индикаторы связи ВСЕГДА интерпретируются пациентом. Это сделала и г-жа Айхель, в голосе которой появляется удивление:

- Я удивлена, какие нежные лепестки у мальвы. Это можно заметить, только если подойти поближе. Сначала я этого не увидела.

После небольшой паузы она возвратилась к прежнему, нейтрально-сдержанному, но немного более задумчивому, чем прежде, тону голоса:

- Зеленые листья пожелтели и повисли.

Удивление обозначало аффективное участие г-жи Айхель. Она была затронута в положительном смысле. Об этом также говорило то, что она употребила слово «нежный» – прилагательное, описывающее чувство. Исходя из этого можно сделать вывод, что ее не обеспокоило мое: «Да, а что теперь?» во время имажинативного погружения, а напротив, это помогло погрузиться глубже. Но короткий кинестетический момент быстро

закончился, когда г-жа Айхель обратила внимание на зеленые листья, которые и начинали увядать. Мне было очень досадно, что момент исчез так быстро, и я спросила:

- И они все такие?

Быстро и четким, ясным голосом г-жа Айхель сказала:

- Нет, сверху два зеленых, они в хорошем состоянии.

Снова мой вопрос обозначил мое сценическое участие в формировании имажинации, что привело к спонтанности. Быстрый и убедительный ответ г-жи Айхель показал, что она услышала произнесенное мной: «Как жаль» и она выдала реакцию на свою интерпретацию: «У меня все в порядке! Есть еще два зеленых листа! Не все увяло! Никакого беспокойства.» Она стремилась меня успокоить или ответить на предполагаемую критику. Конечно, я не могла это так быстро обнаружить, но отметила: Она предприняла имажинативную акцию по озеленению, только для меня.

Я отреагировала на это интервенцией прикосновения, которая снова должна была вернуть ее к телесно-чувственной форме коммуникации.

- А какой на ощупь стебель?

Сдержанным «нейтральным» голосом, который был в начале, г-жа Айхель ответила:

- Он прохладный, слегка покрытый волосками. Он тоже очень нежный. (тихим голосом). Есть опасность, что он может сломаться (очень тихим голосом). Но стебель у основания одеревенелый и мощный (здесь голос снова становится мощнее). Он стойко держится на ветру.

Последовала небольшая пауза, очень тихим голосом она добавила:

- Этот цветок хочет просто быть, а не находиться в центре внимания. Просто только быть здесь.

Изменение громкости голоса показало, что в переживаниях г-жи Айхель происходило многое. Я вдруг поняла, что со стеблем она делала то же самое, что и с «акцией озеленения»: Она отказывалась от первоначальной воспринятой нежности или увядания. Я предположила, что ради меня. Чтобы точнее это понять и держать ее по возможности в кинестетическом режиме, я выбрала вопрос, побуждающий к действию, который, как и вопрос о воздействии образа, прямо ведет во внутреннее душевное пространство, но в отличии от вопроса о воздействии образа определяет не чувство, а действие.

- Хотели бы Вы что-то сделать с этим цветком или рядом с ним?

Первого раз г-жа Айхель не торопилась с ответом. Она вздохнула немного глубже и наконец сказала очень тихим, выражающим поиск голосом:

- Возможно нарвать букет? Нет, тогда цветок погибнет.

Затем она добавила более твердым, более бодрым голосом:

- Пожалуй, можно разрыхлить землю, сделать бороздку, чтобы туда поступала вода, чтобы обеспечить ему уход. Только сейчас я заметила, насколько сухая была земля.

После этого я предложила закончить имагинацию.

Только в устной речи возможен понять имагинацию, поскольку кинестетическая семантика присоединяется к семантике слова. Для этого мы используем психодинамический взгляд, благодаря которому можно попытаться посмотреть глубже заданных когда-то пластов. Психодинамически мы исходим из того, что желания и способ их защит регулируют нашу жизнь; они определяют отношение с другими, а также к себе самим. Соответственно, психодинамический взгляд отыскивает тем или иным образом в показанных пациентом пластах движущие силы, которые возможно привели его к такой форме выражения. Все это сопровождается постоянной работой анализа и над интерпретации. Психодинамический взгляд присутствует с самого начала и не только в имагинациях. Итак, я

хотела бы сделать небольшое отступление и поведать, как вообще начиналась терапия г-жи Айхель.

Меня порадовало, что она была преподавателем, осуществляющим профессиональную подготовку своих учеников, и не походила на учителя, борющегося с неудачами. Она казалась увлеченной и любящей свою профессию. Перед нашей первой встречей я была уверена, что она «обогастит мою группу».

Г-жа Айхель, которой на вид я дала бы 50 лет, пришла в кабинет, где я вела практику, в назначенное время. Меня поразило, как тщательно она вытирала туфли о входной коврик. Она казалась нерешительной, и мне пришло в голову: «Она не хочет обременять меня своим взглядом». Г-жа Айхель была скромно одета, прямые волосы были пострижены ровно и аккуратно. Ее голос был тихим, почти нейтральным. Она казалась незаметной. В то же время меня поразили ее живые, умные глаза и едва сдерживаемая оживленность в голосе, которые делали ее более энергичной и совсем не такой «блеклой». Она показалась мне очень внимательной, следящей за всем, что происходило. Г-жа Айхель говорила не много и не мало, благодарно использовала каждую возможность высказаться, ни о чем не спрашивала и ничего не ставила под сомнение. Я подумала: «Такая незаметная, что это становится очень заметным!».

Чтобы лучше понять данный парадокс, я стала задавать вопросы. По мере того, как г-жа Айхель сдержанно рассказывала о себе, о своих мотивах стать учительницей и своей жизненной ситуации, я сформировала четкое представление, что у этой старательной женщины за желанием посещать балинтовскую группу скрывается потребность в терапии. Как только я предположила это, состояние г-жи Айхель стало казаться мне достаточно тревожным. К концу беседы я осторожно осведомилась, не хотела бы она вместо балинтовской группы, где, как и в своей обычной жизни, она поддерживала бы других, пройти личную аналитическую терапию. В терапии она смогла бы понять и переосмыслить свое чрезмерное напряжение, что в

последующем могло бы положительно отразиться и на ее профессиональной деятельности. Я рекомендовала ей сначала спокойно и хорошо обдумать это, возможно, шокирующее ее предложение, а затем обсудить еще раз. Г-жа Айхель восприняла мои слова молча и только в момент прощания осведомилась, было ли у меня свободное место для проведения анализа. Я ответила отрицательно, но предложила ей записаться в лист ожидания. Пока была возможность лишь нерегулярных встреч, и перспектива начать терапию приблизительно через год.

Сеанс знакомства прошел совсем иначе, чем я ожидала. Я была удивлена, обнаружив, что воспринимаю г-жу Айхель скорее, как потенциальную пациентку. Мой терапевтический интерес формировали детективные импульсы (Что за всем этим стоит? Что скрывается за ее взглядом? Какая она на самом деле?) и сочувствие (Что такого плохого с ней произошло, что она так старалась быть совершенной и правильной?), так что в контрпереносе смешались импульсы-помощники, обусловленные проективной идентификацией пациентки и мои собственные нарциссические мотивы. Поскольку г-жа Айхель приняла мое предложение, вторая встреча перешла в анамнестическую беседу (Bahrke, Nohr, 2018, с. 170-171). На четвертом сеансе мы провели имагинацию с мальвой, первую из многочисленных имагинаций в продолжительной аналитической терапии с КИП.

Здесь я закончу «историю» нашего первого контакта. Потом я узнала, что г-жа Айхель упрекала себя за то, что показала что-то, что сподвигло меня предложить ей терапию. Я не хотела бы дальше рассказывать о многочисленных угнетающих жизненных обстоятельствах г-жи Айхель, в центре которых находились очень жесткая, пренебрежительная, травмированная войной мать, а также более общительный, но слабый по сравнению с матерью отец. Вышеупомянутый психодинамический взгляд по крайней мере обнаружил в идеальной приспособленности и сверхправильности пациентки альтруистическую форму защиты. Под

альтруизмом понимается защитное движение против собственных импульсивных или нарциссических желаний, которое отразилось в поведении, поддерживающем идентичность. Только в форме слияния, находясь, так сказать, в двойной упаковке с соответствующим Другим можно прожить центральное желание чего-то своего в своих различных импульсах, за своей собственной спиной, в тайне от внутреннего свехкритичного взора.

Поскольку такое психодинамическое предположение относилось к г-же Айхель, такой контекст должен был обнаружиться не только в беседе, но и в первичной имажинации. Обратимся к ней еще раз.

Г-жа Айхель, к счастью, крайне положительно интерпретировала побуждающий мотив «Цветок». Я узнала позже, что цветы были ее единственной и очень любимой игрушкой в детстве. В жизни она расслаблялась среди композиций из цветов.

Словно поддавшись побуждению терапевта перейти к чему-то более позитивному, г-жа Айхель смогла в дикой мальве представить символ идентичности, в котором проявилась тоска по первоначальному биографически не допустимому самовыражению. В слове «дикая» все-таки пряталось деградирование мальвы до «сорняка», что позже эксплицитно выразит г-жа Айхель. Дикорастущие сорняки будут вырваны, отражая то, что пациентка была нежеланным ребенком, и работа матери над ее воспитанием описывалась как обработка ребенка в сторону послушания – готового помочь, воспитанного полезного растения, за которое ей не должно было быть стыдно.

Имагинация началась со сгущения: стремление к чему-то своему объединилось с защитной реакцией в плане идентификации с агрессором, в данном случае с уничтожающим взглядом матери на себя саму.

Посмотрим, что дальше ... Неприхотливая, но прекрасная мальва росла и процветала в саду заменителя матери – любимой бабушки. Здесь чувствовался положительный опыт отношений, что сделало возможным для

г-жи Айхель принять предложение о проведении терапии. Сад бабушки стал определенным терапевтическим пространством возможностей.

Нежность стебля и лепестков можно было понимать как выражение желания чуткого и деликатного общения, чего пациентка не получила от матери. Открытое желание в переносе было вызвано моим положительно интерпретированным дополнительным вопросом: «Да, а что теперь?»

Дополнение: Есть опасность, что он может сломаться – выражает быструю вспышку травматичного воспоминания, которое происходит спонтанно, получая пространство благодаря исполняющему желания эмпатичному терапевту. Такое часто происходит в имажинациях. Когда г-жа Айхель была ребенком, нее были суицидальные фантазии и даже один конкретный суицидальный порыв, который случился после сцены жесткого обесценивающего и несправедливого обращения. Если бы она выпрыгнула из окна высокого многоквартирного дома, она бы разбилась как стебель. Это можно было интерпретировать как предупреждение: «Если здесь должно возродиться то, что я испытала ранее, я не выдержу и сломаюсь. Непосредственно после проявления этого желания и предупреждения г-жа Айхель изменила свой стебель: «Но стебель у основания одеревенелый и мощный. Он стойко держится на ветру.» Из-за опасности переноса – доставить хлопоты терапевту – была предпринята функция приспособления в целях успокоения и самооправдания: «Я уже справляюсь.», которая одновременно внутренне стабилизировала «хрупкий» момент. Имагинативное изменение стебля послужило также в качестве защиты-аутаркии: таким образом можно было удержать терапевта на дистанции, которая еще длительное время в дальнейшем была нужна г-же Айхель. Аналогично можно понять и моент с листьями: «Два зеленых листа в хорошем состоянии» – это можно было понять так: «Во-первых во мне еще есть надежда, не стоит беспокоиться! Во-вторых, мне не нужна помощь, поскольку то, что мне может помочь, поставит под сомнение

поддерживающую меня идентичность. Я помогаю другим, у меня это так, а не наоборот.»

Оговорка г-жи Айхель: «Бутоны, э-э-э, цветы, некоторые уже отцвели», как и любые ошибочные действия, указывали на неприятную внутреннюю тенденцию в значении желания и защиты: Бутоны символизировали, как и «дикая», и «розовый» и «нежность» сторону желаний. Возможно, в «бутонах» проявлялось настоящее желание развития своего собственного истинного Я, но мгновенно г-жа Айхель слышала слова матери: «Ты и бутоны? В 50 лет все уже отцвело». Как выражение переноса, переходящая в слово «отцвели» оговорка становится защитой от моего, возможно, также уничижительного взгляда.

В конце имажинации пациентка заметила, насколько сухая была земля – здесь символически скрывалось указание на непитающую скудность матери, которая оставила пациентку уже на первом году жизни бабушке и только через несколько лет внезапно снова забрала ее. Порыв – полить землю – являлся показателем ранней парентификации. Только когда она «давала» что-то матери, ей что-то иногда возвращалось.

В «аутсайдерстве» также объединялись желание и защита: Она защищала стыдливое нарциссическое желание быть в центре внимания и активировала стабилизирующий идентичность образец скромности. Желание иметь отдых и «просто быть» г-жа Айхель могла осуществить только отдаляясь от других, и то очень редко. В любых отношениях с другими она автоматически и в свойственной ей манере отбрасывала свою Самость – позже она сказала об этом: «Я как выдрессированная». Эта связь стала совершенно понятной в предложении: Возможно, нарвать букет? Нет, тогда цветок погибнет. Также и в Балинтовской группе она бы погибла. Если она и хотела жить, то только незаметно для других, тайно. Естественное желание нарциссически быть увиденной и завладеть пространством могло возникнуть лишь в непризнании. Но в Бессознательном, как мы все знаем, не существует «Нет».

И последнее: По окончании имажинации г-жа Айхель, как будто все еще находясь в аффекте стыда, сказала, что в образе ей постоянно хотелось выщипать из цветка то, что завяло, и что он, собственно, был не настоящим цветком, а скорее сорняком (Bahrke, Nohr, 2018, с. 892)

Это было очень сконцентрированное сценическое выражение слияния: Г-жа Айхель, в стремлении что-то выщипывать из цветка, пыталась приблизиться к нему так же, как ее мать пыталась приблизиться к ней. Матери всегда было важно – пациентка в ходе анализа вспоминала много тому примеров, – чтобы дочь была «презентабельной», чтобы ее «убогие» волосы, всегда были причесаны: «Как ты снова выглядишь!»

Ригидность такого самовосприятия в переносе выразилась сценически в том, что г-жа Айхель на протяжении нескольких лет в холле моего кабинета (что было скрыто от моих глаз) проверяла в зеркале свой внешний вид и расчесывала волосы. У нее всегда был зонт в сумке. Позже она сказала мне, что не смогла бы прийти на сеанс с мокрыми волосами, так как ощущала бы себя неприлично (Bahrke, Nohr, 2018, с.185).

В переносе она представляла себя терапевту как существо, которое нуждалось в постоянном «выщипывании», чтобы выглядеть более-менее «прилично».

С другой стороны, конечно, вытаскивание того, что завяло, также являлось необходимым действием при выращивании растений в саду. Пациентка таким образом выражала свою готовность развиваться в анализе (Bahrke, Nohr, 2018, с. 185). Как и многие пациенты, г-жа Айхель представляла себе терапевтические изменения как выщипывание увядшего, т.е. плохого, ненужного, того, что, так сказать, навсегда «пропадает» и больше не будет «мешать». Также в ее фантазии ей казалось, что развиваться она должна была самостоятельно. При этом ей не следовало прибегать к чьей-либо помощи – здесь можно снова наблюдать в действии мнимую защиту-автаркию, как избавление от зависимости.

Наконец, в «выщипывании» символически завуалировано содержался ее аутоагрессивный детский симптом, о чем она мне сообщила намного позже: в детстве она травмировала себе кожу, когда зубами вырывала клочки из одежды и разгрызала их, чтобы хоть как-то ощущать себя. «Выщипывание» в момент имажинации, помимо удивления нежности цветов, явилось примечательным гештальтом переживания, вторым явным кинестетическим моментом, к которому г-жа Айхель немного приблизилась и который отчасти пережила. Иначе она не рассказала бы об этом (Bahrke, Nohr, 2018, с. 185).

Наблюдение за динамикой переноса защищает нас как терапевтов – я надеюсь, это стало более ясно – от ошибок, которые могут легко возникать на фоне наших собственных желаний. В данном случае, это фантазии и желание иметь дело с пациенткой – «легкой в уходе» и ответственной. Без наблюдения переноса потребности пациентки остались бы скрытыми. В подобных ситуациях возникает опасность выбрать стратегию лечения, которая будет стабилизировать защиту (автаркию, прим.ред.), в крайнем случае – приводить к ретравматизации. Это в конечном итоге сделает невозможными столь желаемые изменения. Г-жа Айхель обладала структурой с множеством внутренних запретов, поэтому она совсем была не способна «конвертировать» все то, что было направлено на самопомощь. В данном случае была опасность дать развиваться фрустрирующей динамике переноса-контрпереноса. На этом фоне пациентка упрекала бы себя в неэффективности, что привело бы снова к повороту против себя, к ощущению очередной «неудачи».

В худшем случае какое-то время можно было бы, так сказать, воодушевлять пациентку, а потом отказаться от нее поскольку – «слишком мало изменений». Для г-жи Айхель это было бы идеальным подтверждением: Я не соответствую и не могу быть по душе. Я делаю все, а этого недостаточно, потому что я не соответствую. Ее первый анализ закончился именно так. Аналитик выставил г-жу Айхель, поскольку она не смогла

расстаться со своим мужем – эгоцентричным мужчиной, похожим на ее мать. В учебном пособии, в главе 6, вы можете прочитать ход терапии после имажинации с мальвой, когда все только начиналось. В начале терапии это можно было обработать и провести через ригидное Сверх-Я только в качестве амбивалентного запроса на дальнейшее развитие.

Заключение

Освещая микросцены во время имажинации, которые смогли раскрыться только при наблюдении кинестетической формы выражения, я постаралась еще более тщательно пересмотреть точку зрения, что имажинации в КИП представляют собой что-то в значительной степени независимое, не требующее прояснений и интерпретаций, которые делает сам пациент.

Психодинамическая интерпретация наблюдаемого переноса, введение имажинации, включая имажинации на заданные мотивы и техники интервенций – все это трактуется как элемент терапевтической рамки. Таки образом, работа с имажинацией освещается как обусловленный контрпереносом, интуитивный, внутренний процесс с взаимными душевными посланиями, которые влияют на имажинацию, не ее динамик, тематику и направление. Внимание к кинестетической семантике помогает интерпретации переноса, поскольку обнаруживаются моменты аффективного раскрытия в звучании голоса и в психовегетативных телесных сигналах. Только чувственное восприятие генерирует гештальты переживаний. Здесь недостаточно одного лишь слова. «Это похоже на пробку, которая плавает в море среди проявленных и скрытых чувств и аффектов, но по тому, как это произносится, мы можем сделать вывод о сокровенном» (Nohr, 2006).

Список литературы:

1. Anzieu D., *Le Moi-Peau*. Paris, Dunod, 1985. – 254 p. // *Анзье Д., Я кожа. Пер. с фр. – Ижевск: ERGO, 2011.*

2. Bahrke U. und Nohr K.: *KIP. Lehrbuch der Arbeit mit Imaginationen in psychodynamischen Psychotherapien*. Springer 2013, 2. Aufl. 2018. – 234 s.
// Барке У. Нор К., Кататимно-имагинативная психотерапия: Учебное пособие по работе с имажинациями в психодинамической психотерапии. Пер. с нем. – М.: Когито-Центр, 2018. – 397 с.
3. Bahrke U: Übertragungskonzeptionen in der Katathym Imaginativen Psychotherapie. *Imagination* 32, Nr.3 (2010). S. 5-17.
4. Dieter W. (2006). Explizite und implizite KIP-Behandlungstechnik // *Imagination*. 28: S. 5–29.
5. Eichendorff, J. v. : *Wünschelrute* (1835). In : *Werke Bd. 1. Deutsches Verlagshaus Bong u Co. o.J.*, S. 29.
6. Goethe, JW: *Mailed* (1771). In Trunz, E. (Hg.), *Gesammelte Werke Bd. 1*. Beck 12. Aufl. 1981, S. 31.
7. Körner, J. (1995), Der Rahmen der psychoanalytischen Situation. In: *Forum der Psychoanalyse*, 11, S. 15 – 26.
8. Leikert S: *Schönheit und Konflikt*. Gießen: Psychosozial-Verlag 2012. – 20 s.
9. Leuner H: *Lehrbuch des Katathymen Bilderlebens*. Bern, Stuttgart, Toronto: Huber, 1985. – 589 s.
10. Nohr K (2006): *Meine Seele hört im Sehen*. In: *Imagination*
11. Ogden T., *Reverie and Interpretation: Sensing Something Human*. Routledge, 1999. – 288 p.
12. Stern D. N. *The First Relationship: Infant and Mother*. Harvard University Press, 1977. – 149 s.
13. Watzlawick P. (2016, 13. Aufl.), *Menschliche Kommunikation*. Hogrefe. 324 s.

